

MAKE ME BELIEVE AGAIN

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЭББИ КОЭН

18+

Эбби Коэн

Заставь меня снова поверить

<https://litres.ru/74025418>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он привык жить по уставу, мерить мир картами и глушить кошмары передовой бессонницей и кофеином. Она заперлась в тихом городке, пряча разбитое сердце за уроками гитары и безопасными стенами провинциального кафе. Они не искали любви. Ему нужно было алиби, ей — щит. Фальшивая сделка. Фиктивный роман. Один сумасшедший семейный ужин, к которому пришлось готовиться по ночным смс. Но что делать, когда безупречный план летит к чертям, а он по уши влюбился в главную актрису собственной пьесы?

Содержание

Плейлист	4
Глава первая. Рид	6
Глава вторая. Рид	11
Глава третья. Брук	17
Глав	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Заставь меня снова поверить

Плейлист

lorxy — So Blue

Nickelback — Make Me Believe Again

KARMAI — This Love

BORYSTAS — Я найду тебя

Kontaktees, Sohanica — A Thousand Lives

AltVerse — Livin' La Vida Loca (Afro Soul)

Dusty Strings — Midnight Swing Machine

Mikhail Bennett — After I'm Gone (Slow Rock)

Aylop — Secrets

Sun (несущая свет) — Безумство

Let Babylon Burn — Don't Call Me Back

Nickelback — Lullaby

AC/DC — Highway To Hell

Thomas Vent — Watch Me Burn

BORYSTAS — Ангел

Feccio, NYDO, Deep Meloxh — Blinded

Thomas Vent — Stranger (Club)

Survivor — Eye of the Tiger

Holly Spears — Country Roads

Rosa Linn — Snap

Aylop — Share This Time

Jay Smith — Ten Feet off the Ground

Jazz Blues Nation — State Street Testify (Live)

Hollow Ember — Say It to My Face

Amy McDonald — This Is The Life

Глава первая. Рид

Старая пружина в матрасе пискнула под его весом, как раненая крыса. Рид Хоук перевернулся на левый бок, выругался сквозь зубы и уставился в темноту потолка. Секундная стрелка на настенных часах не тикала — она вколачивала гвозди в его барабанные перепонки.

Блять.

Снова три часа ночи. Снова этот проклятый тупик, когда тело умоляет об отключке, а мозг работает на оборотах боевого истребителя. Рид чертовски устал жить на чистом кофеине и злости. В свои тридцать два года он повидал достаточно дерьма, чтобы не бояться ничего, кроме одного — собственного бессилия. И если он не поспит еще хотя бы пару часов, на завтраке в этом доме не поздоровится никому. Мать начнет суетиться, заглядывать в глаза и спрашивать, не снились ли ему опять взрывы, отец — хмуро молчать в тарелку, а от этого станет только хуже.

Левое бедро обожгло тупой, пульсирующей болью. Рид потянулся к шраму под боксерами. Осколок засел глубоко, как раз возле кости. Командир подразделения списал его в тыл со словами: *«Дружище, ты двенадцать лет без продыху в горячих точках. Ты отличный боец, но сейчас ты похож на ходячий труп. Езжай в Теннесси, пожри домашней еды, почини ногу».*

Починил, сука, спасибо. Кажется, здесь, в Лейперс Форк, он заболел еще сильнее. Не лихорадкой, а худшим из недугов — жалкой бесполезностью. Этот тихий пригород Нашвилла с его идеальными зелеными пастбищами, запахом навоза и цветущего клевера душил его. На передовой всё было просто: вот враг, вот укрытие, вот приказ. Здесь приказом было «отдохнуть», и этот приказ Рид с треском проваливал. Полжизни он провел в грязи и на адреналине, а теперь должен притворяться мирным фермерским сыном.

Вдруг за стеной раздался едва слышимый звук. Скрип половицы. Короткий, осторожный. Обычный человек списал бы на осадку старого деревянного дома, но слух спецназовца вычленил закономерность движения.

Коннор. Маленький ублюдок куда-то сматывался.

Рид мгновенно, беззвучно сел на постели, проигнорировав протестующий укол в бедре. Между ним и братом была пропасть в одиннадцать лет. Когда Рид подписывал свой первый контракт, Коннор еще пешком под стол ходил. Сейчас ему стукнуло двадцать один, он вымахал под два метра, играл за университетскую лигу в баскетбол в Нашвилле и считался местной звездой, подающей огромные надежды. Но для Рида он все еще оставался сопляком, который не умел правильно заметать следы.

Рид накинул худи на свои широкие плечи, натянул спортивные штаны и двинулся к двери. Шаг. Перенос веса на здоровую ногу. Скольжение. Он шел по коридору родительского

дома как партизан на вражеской территории — бесплотный дух, сливающийся с тенями.

Внизу, у кухонного выхода, Коннор как раз пытался бесшумно провернуть ключ в замке. Рид замер в трех шагах за его спиной, скрестив руки на груди. В полумраке его высокая, массивная фигура с резкими чертами лица и недельной темной щетиной выглядела по меньшей мере угрожающе.

— На тренировку рановато, звезда, — негромко, с ледяным сарказмом в голосе произнес Рид.

Коннор подпрыгнул чуть ли не до потолка, едва не выронив ключи. Из его горла вырвался приглушенный, сиплый вскрик. Он резко обернулся, тяжело дыша и прижимая руку к груди.

— Мать твою, Рид! Ты издеваешься?! — зашептал брат, его глаза в темноте были размером с монеты. — Нельзя так подкрадываться к людям! У меня чуть сердце не остановилось!

— Если у тебя останавливается сердце от шороха, бросай баскетбол и иди в шахматы, — хмыкнул Рид, сделав шаг вперед. Он окинул брата оценивающим, сканирующим взглядом. Джинсы, куртка, ключи от отцовского пикапа. — Куда намылился посреди ночи? Отец узнает, что ты берешь его трак, снимет с тебя шкуру. И твоя университетская лига будет играть без основного форварда.

Коннор раздраженно дернул плечом, пытался вернуть себе самообладание, хотя его дыхание все еще было прерыви-

СТЫМ.

— Мне нужно уехать. По делам. И я не беру трак, я... просто пройдуся.

— Пройдешься? В три часа ночи? По Лейперс Форк?
— Рид приподнял бровь, на его лице отразилась мрачная усмешка. — Здесь в это время можно встретить только ено-та. Избавь меня от бреда. Я в этой жизни дерьма наслушался на три поколения вперед. Выкладывай.

Коннор замялся, переводя взгляд с мощных кулаков старшего брата на дверь. Он знал, что Рид не отстанет. Спецназовская выучка и жизненный опыт делали его упрямым как танк.

— Ладно, — выдохнул Коннор, сдаваясь. — В «Мятный Олень» на главной улице. Кафе закрыто, но они сегодня работают всю ночь. Готовят выпечку и декорации к ежегодному Фестивалю виски и фермерского пирога, который начнется уже сегодня. Мне нужно кое с кем встретиться. Это личное, Рид. Не лезь, ладно? Ты приехал неделю назад и ведешь себя так, будто ты все еще на своей гребаной войне. Опusti ладонь на кобуру, которой на тебе нет, и дай мне уйти.

Рид прищурился. Из-за этого фестиваля весь город уже неделю стоял на ушах: отец чистил амбары, мать закупала тонны муки. В словах брата сквозила странная нервозность, не похожая на обычное подростковое желание поразвлечься. Что-то тут было не так. А еще внутри Рида проснулся чистый, эгоистичный интерес: это был легальный повод сва-

лить из удушающей спальни, где стены давили на него сильнее, чем бетонный бункер под обстрелом. К черту этот мертвый сон, лучше движение.

— В «Мятный Олень», говоришь? — Рид подошел к вешалке и снял куртку. — Отлично. Я еду с тобой.

— Что? Нет! — Коннор замахал руками. — Ты испортишь всё! Мне не нужна нянька с посттравматическим синдромом!

— Во-первых, у меня нет синдрома, я просто не люблю глупость, — отчеканил Рид, обувая кроссовки. — Во-вторых, ты берешь машину отца, а значит, я, как старший и единственный адекватный здесь, несу за нее ответственность. Двигай давай, пока я не разбудил маму. Ты же знаешь, она сразу решит, что у тебя свидание, и соберет нам с собой контейнер с запеканкой.

Коннор обреченно застонал, но спорить не решился. Они тихо выскользнули за дверь, навстречу прохладному ночному воздуху Теннесси, который пах сырой землей и скошенной травой. Рид шел следом за братом, хромая, но сохраняя ту самую хищную грацию, которую из него не могло выбить никакое ранение. Лейперс Форк спал, украшенный первыми праздничными гирляндами на столбах, но для Рида Хоука ночь только начиналась.

Глава вторая. Рид

Салон отцовского «Форда» пах именно так, как должен пахнуть трак старого фермера в Теннесси: смесью дешёвого табака, машинного масла, засохшей земли и мятных леденцов, которые Лидия Хоук горстями пихала в бардачок.

Рид ненавидел сидеть на пассажирском кресле. Для человека, который привык держать руку на руле, на спусковом крючке или на горле противника, добровольная передача контроля была сродни пытке. В особенности, когда за рулём сидел его младший брат. Коннор водил так, словно подменял камикадзе: слишком резко переключал передачи, слишком поздно тормозил перед выбоинами на просёлочной дороге и постоянно дёргал плечами в такт какому-то невнятному рэпу, глухо бубнившему из динамиков.

Рид покосился на профиль брата. Парень вцепился в руль так, словно сдавал экзамен на права, хотя гонял на этой колымаге с шестнадцати лет. Подкалывать Коннора было любимым хобби Рида ещё с тех времён, когда тот путался в собственных ногах и ревел из-за разбитых коленок. Время шло, Коннор вырос в двухметрового шкафа, способного забросить трёхочковый с закрытыми глазами, но в глазах Рида он всё ещё оставался идеальной мишенью для шпилек.

— Слушай, — Рид непринуждённо откинулся на спинку, хотя левое бедро при каждом резком повороте пробива-

ло острой иглой. — Если ты планируешь сломать отцовскую подвеску до начала фестиваля, скажи сразу. Я выйду. Моя хромая нога донесёт меня до дома быстрее, чем твой идиотский дрифт.

Коннор раздражённо крутанул руль, объезжая очередную яму, и фыркнул, не поворачивая головы:

— Мой дрифт, между прочим, признан лучшим на парковке университета, старик. И вообще, если тебе что-то не нравится, педаль тормоза под моей правой ногой. Можешь десантироваться прямо на ходу. Ты же у нас суперсолдат.

— Суперсолдаты не прыгают из машин, которыми управляют камикадзе-недоучки, — лениво парировал Рид. Он повернул голову к окну, разглядывая проплывающие мимо силуэты развесистых дубов и аккуратные белые заборы конных ферм. Ночной Лейперс Форк казался вымершим. Только редкие оранжевые фонари подсвечивали баннеры с надписью: «Ежегодный Фестиваль виски и фермерского пирога». — Так что ты забыл в «Мятном Олене», Конни? Только не вешай мне лапшу про внезапную тягу к ночной выпечке. Я знаю твой рацион. Ты не прикоснёшься к углеводам, пока тренер не разрешит.

Коннор заёрзал на сиденье. Его пальцы на руле сжались сильнее, побелев в суставах. Способность брата увиливать от прямых вопросов всегда забавляла Рида. Это было похоже на то, как плохой боксёр пытается закрыться от прямого удара раскрытыми ладонями.

— Я же сказал, — буркнул Коннор, натянуто глядя на дорогу. — Нужно забрать кое-какие документы по организации площадки для университетской команды. Нам выделяют зону под стритбол на выходных. Вот и всё. Деловая встреча.

Рид тяжело, разочарованно вздохнул. Этот звук в замкнутом пространстве кабины прозвучал как выстрел.

— Врать у тебя получается так же хреново, как и держать дистанцию до впереди идущей машины, — Рид повернулся всем корпусом к брату, нависая над ним своей широченной тенью. В его голосе зазвучали те самые менторские нотки, от которых у новобранцев в его взводе подгибались колени. — Послушай меня, Коннор. Я двенадцать лет профессионально общаюсь с людьми, чья работа — врать мне в лицо под угрозой трибунала или пули. И поверь, их мимика развита чуть лучше, чем у двадцатилетнего баскетболиста, у которого при слове «деловая встреча» дёргается правое веко. Когда человек лжёт, он либо перегружает историю ненужными деталями, вроде твоих «документов для площадки», либо, наоборот, замыкается. Ты сейчас совершаешь классическую ошибку новичка...

— Господи, Рид, завали! — Коннор резко ударил ладонью по рулю, прерывая его на середине монолога. — Это невыносимо слушать, чувак! Перестань включать своего гребаного сержанта, у меня сейчас уши завянут!

Рид лишь довольно ухмыльнулся, демонстрируя ровный ряд зубов на фоне тёмной щетины. Психологическое давле-

ние сработало идеально.

— Ладно, ладно! — Коннор шумно выдохнул, сдаваясь под натиском старшего. — Я еду к Сэм. Они сегодня всю ночь торчат в «Мятном Олене», координируют поставки для фестиваля. Мы... ну, мы общаемся. И она обещала сделать перерыв, когда приедет машина с декором.

Рид не выдержал и громко расхохотался. Звук его смеха заполнил салон пикапа, выбивая из Коннора остатки наигранной суровости.

— К Сэм? — сквозь смех переспросил Рид. — То есть ты поднял свой зад среди ночи, угнал отцовскую тачку и крался по половицам, как вор-домушник, только ради того, чтобы постоять у чёрного входа кафе и подержать за ручку девочку, пока она разгружает коробки с украшениями? Брат, ты бьёшь все рекорды романтического идиотизма.

— Заткнись, Рид, — покраснел Коннор, упрямо выпятив подбородок. — Ты ничего не понимаешь. Она классная.

Рид отвернулся к окну, и улыбка медленно сползла с его лица, сменяясь мрачноватой, ностальгической тенью. Чёрт. А ведь он понимал. Ещё как понимал.

В памяти всплыл далёкий, затянутый дымкой воспоминаний август. Ему самому тогда было едва за двадцать. Точно так же, крадучись, он вылезал через окно этой самой спальни, молясь, чтобы Малкольм Хоук не проснулся от скрипа половиц. Рид сбегал из родительского дома ради Кэролайн Симс, дочки местного варщика пива. Они встречались на

старой водонапорной башне. И, конечно же, они лезли туда вовсе не для того, чтобы смотреть на звёзды через дырявую крышу. Рид отлично помнил запах её духов с ароматом ванили, горячие ладони на своих плечах и то сумасшедшее, глухое постукивание сердца в груди, когда она лежала рядом.

Где сейчас Кэролайн? Кажется, уехала в Атланту, вышла замуж за какого-то адвоката и воспитывает близнецов.

Рид невольно нахмурился, углубляясь в свои мысли. Вопрос Коннора, точнее, его обвинение в том, что Рид ничего не понимает, попал в цель. Рид попытался вспомнить, когда у него вообще в последний раз была девушка. Не просто случайная связь на одну-две ночи во время редких отпусков между командировками. Не штабная медсестра в Германии, с которой всё было предельно ясно, сухо и функционально — секс для снятия стресса, без обязательств и имён. А по-настоящему. Для души. Чтобы хотелось слушать её глупую болтовню, возить ей кофе по ночам и чувствовать, как внутри расправляется пружина, которую он затянул до упора несколько лет назад.

Ответ был паршивым: никогда. У него никогда не было на это времени. Война забирала всё, не оставляя места для нежности. Его душой была его винтовка, его взвод и сухой паёк. И сейчас, сидя в раздолбанном пикапе рядом с влюблённым, придурковатым братом, Рид Хоук впервые почувствовал себя по-настоящему старым. И чертовски одиноким.

— Приехали, — глухой голос Коннора вырвал его из раз-

мышлений.

Пикап мягко затормозил у обочины. Впереди, в густой предрассветной темноте главной улицы Лейперс Форк, ярким жёлтым пятном горели окна кафе «Мятный Олень». Около входа действительно стоял припаркованный полуприцеп, а из раскрытых дверей заведения доносился отчётливый, убойный запах свежемолотого кофе, корицы и ванили.

Глава третья. Брук

Брук Эллис искренне, до зубовного скрежета ненавидела праздники. Точнее, определенный их вид.

Она не была бездушным Гринчем. Рождество с его имбирным печеньем, семейный День благодарения и даже безумный Хэллоуин Брук любила до умопомрачения. Она была готова продать душу дьяволу, лишь бы ее позвали наряжать самую высокую елку в округе, сервировать индейку или вырезать жуткие рожицы из пузатых оранжевых тыкв для веранды. Но вот локальные фестивали... О, это была совсем другая история.

Лейперс Форк — крошечное, живописное место, которое гордилось своей камерностью, уютными улочками, эстетикой старого Юга и, конечно, кантри-музыкой. Сюда регулярно заезжали поглазеть на антиквариат приезжие знаменитости из Нашвилла, и местный муниципалитет пихал эти дурацкие ярмарки в календарь при любом удобном случае. Для Брук очередной Фестиваль виски и фермерского пирога означал только одно: каторжный труд.

Пока весь город предвкушал веселье, дегустацию бурбона и поедание пирогов, Брук приходилось торчать в «Мятном Олене» всю ночь напролет. Вместо теплой постели, пушистого пледа и хорошего психологического хоррора на экране ноутбука — три часа утра, въевшийся в кожу запах корицы

и убойная доза чужого нытья.

— Брук, серьезно, у меня позвоночник сейчас в трусы высыпется, — в десятый раз за последний час заскулил Риччи, привалившись к борту полуприцепа. Это был девятнадцатилетний прыщавый студент, которого наняли в кафе на полставки. — Эти коробки весят как булыжники. Мне нужен перерыв. Моя спина... я буквально слышу, как хрустят мои межпозвоночные диски. Давай посидим минут двадцать, а?

Брук трясло. Физически, крупной дрожью от усталости. Ее светлые волосы, обычно аккуратно уложенные, сейчас были стянуты в неряшливый пучок на затылке, пара прядей выбилась и липла к потному лбу. Больше всего на свете она хотела спать, гребаной тишины и свой фирменный, супергорячий латте, который никто, кроме нее, не умел варить нормально. Вместо этого ей приходилось координировать ночную поставку декора и делать почти всю грязную работу самой, потому что Риччи обладал грацией и выносливостью садовой улитки.

В руках Брук держала планшет с засаленным списком вещей: тридцать коробок с искусственным сеном, гирлянды, деревянные вывески в форме оленей. Когда Риччи в очередной раз открыл рот, чтобы издать страдальческий стон, внутри Брук что-то окончательно оборвалось. Годовая норма терпения испарилась за долю секунды.

— Риччи, ради всего святого, закрой рот! — прикрикнула Брук, резко разворачиваясь к нему. Ее голос, обычно мяг-

кий, прозвенел в прохладном ночном воздухе как пощечина. — Твоя спина болит, потому что ты поднимаешь коробку весом в пару килограмм так, словно это обломок Титаника! Если ты сейчас же не заткнешься и не дотащишь этот чертов декор до подсобки, я лично сломаю тебе вторую половину позвоночника! Устали все, Риччи! Но я, в отличие от тебя, не растекаюсь по асфальту соплями, а пытаюсь сделать так, чтобы завтра нас не уволили к чертям собачьим!

Она не хотела срываться. Честно не хотела. Это была не злость, а чистая усталость, которая вылезла наружу уродливой гримасой.

Риччи замер, ошарашенно захлопав глазами. Несколько секунд он переваривал тираду, а затем его лицо обиженно вытянулось. Ведя себя как капризная детсадовская девчонка, которой не дали конфету, он с глухим стуком швырнул коробку, которую держал, прямо на землю.

— Ну и подавись своим сеном! — пискнул он, развернувшись на пятках и пафосно зашагал внутрь кафе.

— Да пошел ты! Придурок! — крикнула Брук ему в догонку и смачно, грязно выругалась, помянув всех чертей подземного мира.

Замечательно, Брук. Просто блестяще. Теперь ты одна против целого грузовика.

Она раздраженно выдохнула, бросила взгляд вниз и поморщилась. Угловая часть брошенной Риччи коробки смялась от удара об асфальт. Оттуда торчал кусок крафтовой

бумаги. Брук присела, подпихивая планшет подмышку, и попыталась аккуратно обхватить картон пальцами, чтобы хлипкое дно окончательно не порвалось и содержимое не вывалилось на грязную дорогу. Коробка оказалась чертовски, просто невероятно тяжелой, там явно лежали кованые подсвечники.

Кряхтя и проклиная мужчин как вид, Брук выпрямилась, удерживая груз перед собой. Напряженные мышцы рук задрожали. И в этот самый момент, прямо над ее ухом, кто-то жизнерадостно и оглушительно гаркнул:

— БРУК!

От неожиданности Брук подскочила, издав дикий ор, похожий на крик раненой чайки. Коробка выскользнула из ее ослабевших пальцев и со страшным грохотом снова рухнула на землю, на этот раз окончательно разорвав картонный бок.

Рядом стоял Коннор Хоук. Он сиял как начищенный цент, а его дурацкий ржач мгновенно заполнил всю улицу.

— Мать твою, Коннор! — Брук прижала ладони к бешено колотящемуся сердцу, готовая придушить парня его же собственными шнурами. — Какого хрена ты орешь?! Ты что здесь забыл?!

— Ну прости, я не думал, что наша Ханна Монтана такая пугливая, — сквозь смех выдавил Коннор, утирая проступившие слезы. — Привет. Сэм внутри?

Брук злобно прищурилась, поправляя съехавшую лямку фартука, и выдала:

— Она внутри, Хоук. Но если ты еще раз подкрадешься ко мне со спины, твоя спортивная карьера закончится прямо на этом асфальте, потому что я кастрирую тебя этим самым планшетом, и в твою университетскую лигу ты вернешься исключительно в качестве поющего сопрано в церковном хоре.

Коннор осекся, по инерции прикрыв ладонью пах, но внезапно позади него раздался низкий, хрипловатый мужской смех. Это не был глумливый хохот, скорее, искреннее веселье человека, который оценил хорошую шутку.

Брук нахмурилась, сделала шаг в сторону и выглянула из-за широкого плеча Коннора. В полумраке, едва подсвеченная желтым неоновым вывески «Мятного Оленя», стояла массивная фигура. Незнакомец был высоким — почти с Коннора, но гораздо шире в плечах, плотнее и как-то суровее. Черная худя обтягивала мощную грудь, на лице темнела густая щетина, а глубоко посаженные глаза смотрели на Брук с явным, неприкрытым интересом и легким прищуром. От этого мужчины веяло опасностью, горьким парфюмом и той брутальной уверенностью, которая бывает только у людей, привыкших отдавать приказы.

Брук сложила руки на груди и вздернула подбородок, глядя на незнакомца:

— А это еще что за группа поддержки? Коннор, ты начал водить за собой телохранителей, чтобы тебя не побили недовольные фанатки?

Коннор, быстро растеряв весь свой пафос, сделал шаг в сторону и с глуповатой, но гордой улыбкой махнул рукой в сторону своего спутника.

— Брук, знакомься. Это мой старший брат, Рид Хоук. Вернулся в наши пенаты погреть кости. Рид — это Брук. Самая опасная блондинка в радиусе тридцати миль, вооруженная смертоносным пластиковым планшетом.

Брук на секунду замерла, разглядывая мужчину. *Рид Хоук*. Имя эхом отозвалось где-то на задворках сознания. Она точно слышала его раньше. Но где? В местной газете «Лейперс Форк Хроникал»? По радио, когда крутили сюжет о парнях из Теннесси? Или, что более вероятно, болтушки в парикмахерской перемывали косточки семейству Хоуков. Местные сплетники обожали такие истории, бережно передавая слухи от души к душе, приправляя их красочными выдумками. В любом случае, из-за тумана в голове Брук никак не могла поймать нужную мысль.

Рид сделал шаг вперед. Вот тогда Брук и заметила это. Мужчина заметно прихрамывал на левую ногу. Она вспомнила, Рид Хоук — военный. Движение не было неуклюжим, скорее, расчетливым и тяжелым, словно он сознательно берег бедро. *«Не совсем чтобы сильно, — подумала Брук, задерживая на нем взгляд, — но, должно быть, для такого альфа-самца эта хромота — весьма неприятный бонус к чертовски красивому лицу»*. Его резкие черты, темная щетина и этот взгляд военного прокурора могли бы пугать, если

бы не расслабленная, едва заметная усмешка.

— Значит, сопрано в церковном хоре? — Рид приподнял бровь, и в его низком голосе послышалась сухая насмешка. — Радикальные методы, девушка. Но учтите, у Коннора хреновый слух. Церковь не переживет его сольных партий, так что вы окажете медвежью услугу всему штату.

Брук невольно приоткрыла рот, а затем мысленно поставила Риду жирный, уверенный плюс. Надо же. Угрюмый громила умеет шутить, причем делает это красиво, без мужланства. Это было редкостью для парней, которые выглядели так, словно завтракали пулями.

— Брук Эллис и можно на «ты», — официально представилась она, крепче сжимая планшет.

Вдруг внутри кафе звякнул таймер духовки, и Брук, вздрогнув, опустила взгляд на свои наручные часы. Четыре утра. Боже правый. Через четыре часа первые фудтраки начнут выстраиваться на площади, а у нее конь не валялся.

— Да твою ж..., — тихо, но емко выругалась она, хватаясь за голову. — Я не успеваю. Вообще ни черта не успеваю. Эта паршивая выставка пирогов меня похоронит.

— Мы можем помочь, — спокойно, без тени рисовки предложил Рид, кивая на грудку коробок. — Силы у нас, как видишь, в избытке. Один из нас точно может работать за двоих.

Брук, чей мозг в этот момент отчаянно страдал от жесткой нехватки кислорода, сна и мягкой подушки, даже не по-

думала профильтровать ответ. Она просто посмотрела на его левую ногу и выпалила:

— Помочь? Да тебе самому, кажется, помощь нужна. Куда тебе коробки таскать?

Коннор рядом издал короткий, судорожный свист и вжал голову в плечи, отступая на полшага.

В ту же секунду Брук замерла, сообразив, *что* именно она только что сболтнула. Земля под ногами показалась ей слишком твердой. Черт. Она всегда говорила много, далеко не всегда по делу, но сейчас ее язык явно бежал впереди парализованного усталостью здравого смысла.

Рид удивленно посмотрел на нее. Его темные глаза сузились, превратившись в две опасные щелки. Было видно, что он совершенно не привык, чтобы с ним так разговаривали. Ни в его взводе, ни в этом тихом городке никто не рискнул бы ткнуть его носом в уязвимость.

Однако спецназовец не полез в бутылку. Он лишь медленно оглядел Брук с ног до головы, задержавшись на ее растрепанном пучке и кофейном пятне на фартуке.

— Моя нога, красавица, выдержит еще пару таких, как ты, вместе с твоим планшетом, — спокойно и чертовски едко парировал Рид. — А вот твой помощник сбежал от одного твоего взгляда. Так кто из нас двоих сейчас нуждается в реанимации?

Брук замерла, чувствуя, как к щекам приливает жар, то ли от стыда, то ли от азарта. Она подняла руки в притворном

жесте капитуляции.

— Туше, — выдохнула она, криво усмехнувшись. — Один — один. Ладно. Извини. Я действительно отключаюсь на ходу.

— Проехали, — Рид хмыкнул, удовлетворенный ее реакцией. — Итак, план такой. Мы с Коннором заносим все это дерьмо внутрь. Быстро и без лишнего шума. Но у меня есть одно условие. Большое и горячее. Кофе для меня — за счет заведения. И не ту бурду, которую наливают на заправках, а нормальный, крепкий кофе.

Коннор тут же встрепенулся, его лицо вытянулось, а в глазах появилось такое умоляющее, паническое выражение, что Брук едва не растаяла от умиления. Баскетбол-то баскетболом, а перед старшим братом Коннор превращался в трепещущего паренька. Он отчаянно замигал Риду, беззвучно артикулируя губами: *«Ты чего творишь?!»*

Брук прекрасно понимала, в чем дело. К черту Коннору сдались эти коробки с искусственной травой и коваными подсвечниками. В подсобке кафе сейчас занималась пересчетом текстильных салфеток Сэм — его Сэм, которая наверняка тоже поглядывала на часы в ожидании своего хваленого баскетболиста.

Рид, судя по всему, прочитал панику брата как открытую книгу. Он бросил на Коннора короткий, насмешливый взгляд и снова повернулся к Брук, выдвигая финальный пункт их ночной сделки:

— ...И второе условие, Брук. Как только мы закончим, ты отпустишь Сэм. Нам с моим водителем нужно серьезно обсудить его технику вождения, а им... ну, полагаю, обсудить стритбол. Идет?

Брук посмотрела на Рида, затем на несчастного Коннора, который едва не молился на брата, и устало улыбнулась. Этот мужчина оказался гораздо проницательнее и интереснее, чем ей показалось на первый взгляд.

— Идет, — Брук поудобнее перехватила планшет и толкнула бедром входную дверь кафе, пропуская мужчин внутрь. — Заносите коробки. А я пока пойду включу кофемашину и наколдую чего-нибудь особенное.

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.